

Содержание

Т. Г. Иванова

Д. К. Зеленин и его научные интересы
в 1917–1934 года..... 6

	Коммент.
Древнерусский языческий культ «заложных» покойников17	262
Восточнославянские земледельческие обряды — катанье и кувыркание по земле35	269
Древнерусская братчина как обрядовый праздник сбора урожая (Краткое изложение большого исследования)...49	272
«Спасова борода», восточнославянский земледельческий обряд сбора урожая.....57	276
Загадочные водяные демоны «шуликуны» у русских.....82	279
Магическая функция примитивных орудий..... 100	283
Тотемический культ деревьев у русских и у белорусов..... 140	286
Имущественные запреты как пережитки первобытного коммунизма 181	290

Приложения

Комментарии. Составила <i>Т. Г. Иванова</i>	261
Указатель литературы. Составила <i>Т. Г. Иванова</i>	297

Т. Г. Иванова

Д. К. Зеленин и его научные интересы в 1917–1934 годах

1917 год, переломный в истории России, для Д. К. Зеленина начинался удачно: 12 апреля он успешно защитил докторскую диссертацию по своей книге «Очерки русской мифологии. Вып. 1: Умершие неестественной смертью и русалки» (1916)¹. Казалось, перед ученым, уже имевшим большой авторитет в науке, открывались широкие перспективы. С 1916 г. Д. К. Зеленин жил в Харькове и преподавал на местных Высших женских курсах. Прочное финансовое положение, достигнутое с большим трудом сыном бедного дьячка из глухой сарапульской деревеньки, наконец-то позволяло ему целиком отдаться научным исследованиям. Учитывая, сколь интенсивно Д. К. Зеленин работал в дореволюционный период, можно было ожидать столь же продуктивной деятельности и после 1917 года.

Однако ход исторических событий распорядился по-своему: 1918–1922 гг. стали для ученого временем вынужденного молчания. Гражданская война нарушила нормальное течение жизни: печататься было нелегко, учебный процесс в Харьковском университете (Высшие женские курсы слились с местным университетом, и Д. К. Зеленин стал его профессором) также потерял свою стабильность. Тем не менее ученый продолжал напряженно трудиться. И центром притяжения его внимания в эти годы, как и в юности², стала частушка. В обширном зеленинском

¹ См. переиздание: *Д. К. Зеленин. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью и русалки* / Подгот. текста, коммент., сост. указателей Е. Е. Левкиевской; вступ. статья Н. И. Толстого. М., 1995.

² См.: *Д. К. Зеленин. Новые веяния в народной поэзии* // Вестник воспитания, 1901, № 8, ноябрь, с. 86–98. То же. Отд. оттиск. См. также: *Д. К. Зеленин. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901–1913*. М., 1994, с. 27–37.

фонде, хранящемся в Санкт-Петербургском отделении архива Российской академии наук, находятся две папки, озаглавленные «Политическая частушка. Ч. 1–2»³. Здесь сосредоточены записи самого Д. К. Зеленина и его многочисленных корреспондентов (в основном, по-видимому, студентов), посвященные политической частушке революционной эпохи. Долгое время названные папки были недоступны исследователям. Сейчас этот материал ждет своего научного осмысления, причем не только фольклористами, но и историками и социологами⁴.

Однако первая попытка проанализировать частушечные тексты своей коллекции была сделана уже самим Д. К. Зелениным. В 1925 г. он публикует свою практически первую, если не считать небольшой заметки о финской веси⁵, работу послереволюционного периода. В немецком журнале «*Zeitschrift für slavische Philologie*» выходит в свет статья «*Das heutige russische Schnaderhüpfl (Častuška)*»⁶. Двадцатые годы — достаточно своеобразный период в советской истории. Это время, когда тоталитаризм в стране окончательно еще не утвердился, и ученые не осознавали, что в науке могут быть опасные, запретные темы. Естественными и непредосудительными по-прежнему казались связи с заграницей и публикации за рубежом своих трудов. Но первые веяния политических заморозков уже начинали сказываться на работе исследователей. Самоцензура, которая довела над научной мыслью на протяжении последующих десятилетий, зарождалась именно в двадцатые «плюралистические» годы. Отразилось это и на названной статье Д. К. Зеленина. В аналитической части труда ученый дает общую (и блестящую) характеристику художественных особенностей частушки как жанра. Он обращает внимание на генетическую связь «коротушек» с плясовыми припевами, указывает на превалирование текста над напевом в этом жанре, на ярко выраженное в частушках индивидуальное начало, на их реалистичность (в отличие от старинной песни, где преобладает идеалистический взгляд на мир). В целом ученый развивает идеи, высказанные им еще в 1903 г. в труде «Песни деревенской молоде-

³ Санкт-Петербургское отделение архива Российской Академии наук, ф. 849, оп. 1, ед. хр. 562.

⁴ См. нашу публикацию, сделанную по материалам Д. К. Зеленина: Т. Г. Иванова. «Ай, да славный, красный Питер...»: Городская частушка времен революции и гражданской войны // Родина, 1994, № 7, с. 61–65.

⁵ Д. К. Зеленин. Древняя финская весь // Ученые записки высшей школы. Одесса, 1922, т. 2, с. 63–68.

⁶ D. Zelenin. Das heutige Schnaderhüpfl (Častuška) // Zeitschrift für slavische Philologie, 1925, Bd. 1, № 3–4, S. 343–370.

жи»⁷ (кстати, текст немецкой статьи отчасти совпадает с названной работой). Но от анализа политического содержания публикуемых им текстов Д. К. Зеленин уклоняется. Его сочувствие, по-видимому, на стороне тех частушек, которые были направлены против советской власти, но высказывать эту свою позицию открыто фольклорист не решался. Поэтому он остается на объективистских позициях, предлагая читателю самому, исходя из материала, судить о настроениях разных слоев общества в переломную для России историческую эпоху.

Однако частушка, в силу малой вписанности этого фольклорного жанра в этнографический контекст, в послереволюционный период, как и в начале XX века, явилась для Д. К. Зеленина побочной темой его научных интересов. В 1920-е гг. ученый остался верен главному направлению своих исследований — проблемам народной культуры, которые возникают на стыке материальных и духовных, словесных и несловесных ее аспектов, то есть на стыке этнографии и фольклористики.

В 1924 г. известный славист Макс Фасмер, петербургский немец, эмигрировавший после октябрьского переворота из России, обратился к Д. К. Зеленину с предложением написать для немецкого издания книгу о восточнославянской этнографии. Так родилась знаменитая зеленинская книга «Russische (Ostslavische) Volkskunde», над которой ученый работал в харьковский и отчасти в последующий, ленинградский, периоды жизни. Труд этот, как известно, вышел в свет в Германии в 1927 г.⁸ «Восточнославянская этнография» — это систематический свод всех знаний современной Д. К. Зеленину науки о народной культуре русского, украинского и белорусского народов. Здесь объединены сведения о земледелии, скотоводстве, рыболовстве, приготовлении пищи, одежде, транспортных средствах, жилище, семейной и общественной жизни и т. д. Материальная культура в работе Д. К. Зеленина освещается в ее неразрывных связях с обрядовой жизнью народа и его верованиями.

Рассмотрение народной культуры в едином сплаве материального и духовного быта, как положительная черта этого труда Д. К. Зеленина, было отмечено уже первыми его рецензентами. М. Я. Феноменов писал: «Такое комплексное изложение этнографического материала совершенно неизбежно и вполне целесообразно: материальный быт этнографически толь-

⁷ Д. К. Зеленин. Песни деревенской молодежи, записанные в Вятской губернии // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1903 год. Вятка, 1903, отд. 2, с. 19–103.

⁸ D. Zelenin. Russische (Ostslavische) Volkskunde. Berlin; Leipzig, 1927. См. русскоязычное издание: Д. К. Зеленин. Восточнославянская этнография / Пер. с нем. К. Д. Цивинной; отв. ред. К. В. Чистов. М., 1991.

ко и можно рассматривать параллельно с культом»⁹. В. Н. Харузина заключала свою рецензию на труд Д. К. Зеленина следующими словами: «Она (книга. — Т. И.) должна быть настольной книгой для всякого этнографа, занимающегося этнографией русского народа. Соглашаться или нет с автором относительно отдельных вопросов, предоставляется всякому. Но нельзя не признать, что эта книга будит научную мысль, возбуждает желание продолжать исследование народной жизни, углублять в нее, входя в детали, пополняя существующие в нашем знакомстве с нею пробелы»¹⁰.

«Восточнославянская этнография» Д. К. Зеленина получила международное признание и до сих пор остается самой авторитетной книгой по этнографии русского, украинского и белорусского народов. «Russische (Ostslavische) Volkskunde» носит ярко выраженный итоговый характер. С одной стороны, здесь подытоживается длительный путь развития отечественной этнографии за период с начала XIX в. до середины 1920-х гг. С другой, книга завершает определенный этап в научной биографии ее автора. До «Восточнославянской этнографии» интересы ученого были сосредоточены практически исключительно на культуре русского и родственных ему или непосредственно соседствующих с ним народов (мордва, марийцы, вотяки и т. д.). С конца же двадцатых годов Д. К. Зеленин все чаще и чаще обращается к материалам таких этносов, как гольды, якуты, тунгусы, кавказские народности, арабы, австралийские аборигены, южноафриканские племена и т. д. Если ранее исследователь очень редко касался первобытной культуры, то постепенно именно эта проблематика выходит для него на первый план. Характеризуя в связи с «Восточнославянской этнографией» научный метод Д. К. Зеленина, К. В. Чистов совершенно справедливо пишет: «В соответствии с современной терминологией мы могли бы назвать метод Зеленина синхронным и даже системным и осознать его как одно из наиболее ранних проявлений подобной методики не только в нашей, но и в европейской науке»¹¹. После «Russische (Ostslavische) Volkskunde» метод ученого все в большей степени становится не только системным, но и ретроспективным¹². Д. К. Зеленина теперь интересуют не столько современное состояние традиции, сколько ее древнейшие, архаические пласты. Наиболее яр-

⁹ М. Я. Феноменов. Книга, которая создает эпоху // Краеведение, 1927, т. 4, № 4, с. 448.

¹⁰ В. Харузина. [Рец.] // Этнография, 1928, № 2, с. 154.

¹¹ К. В. Чистов. «Восточнославянская этнография» Д. К. Зеленина // Д. К. Зеленин. Восточнославянская этнография. Л., 1991, с. 446.

¹² Н. И. Гаген-Торн, А. И. Васина. Ретроспективный метод анализа в трудах Д. К. Зеленина // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1971, вып. 5, с. 171–180.

кое воплощение новые научные интересы Д. К. Зеленина нашли в его фундаментальной монографии «Культе онгонов в Сибири: Пережитки тотемизма в идеологии сибирских народов» (1936).

Поворот от системного к ретроспективному методу (а вернее, углубление ретроспективного начала в научных трудах Д. К. Зеленина), естественно, совершился не в одно мгновение, и даже не в один год, а растянулся на несколько лет. Работы ученого, собранные в настоящем томе избранных трудов, на наш взгляд, наиболее ярко отражают его искания в этот период «поворота».

Статья, которая открывает сборник, — «Древнерусский языческий культ „заложных“ покойников» (1917) — является текстом доклада, который этнограф прочитал в Московском университете при защите диссертации. Проблематика этой работы, естественно, связана с монографией «Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью и русалки». Статья полностью построена на восточнославянском материале и никоим образом не выходит на проблематику первобытной культуры. Данную работу можно считать завершающей дооктябрьский этап в жизни Д. К. Зеленина.

Следующие три работы, связанные между собою тематически, — «Восточнославянские земледельческие обряды — катанье и кувырканье по земле» (1927), «Древнерусская братчина как обрядовый праздник сбора урожая» (1928) и «„Спасова борода“, восточнославянский земледельческий обряд сбора урожая» (1929), — явились развитием некоторых положений, высказанных Д. К. Зелениным в его монографии «Russische (Ostslavische) Volkskunde». Работы эти также построены на восточнославянском материале. Но системный метод здесь уже уступает место ретроспективному. Так, в статье о древнерусской братчине для ученого важными оказываются такие понятия, как земледельческий, скотоводческий и охотничий способы хозяйствования.

Статья «Загадочные демоны „шуликуны“ у русских» (1930) типологически близка к «Очеркам русской мифологии». Если в последних на материале обрядов и верований монографически рассматривается образ русалок, то здесь предметом изучения становится другой мифологический персонаж — шуликуны. Эта работа, с одной стороны, как бы возвращает ученого в круг его дореволюционных интересов, а с другой — в ней проявляются некоторые тенденции, характерные для зеленинских трудов 1920–1930-х годов, в частности, склонность ученого к «квазиреалистическому толкованию»¹³ обрядов и верований. Мифологический образ шуликунов исследователь пытается толковать

¹³ К. В. Чистов. «Восточнославянская этнография» Д. К. Зеленина // Д. К. Зеленин. Восточнославянская этнография. М., 1991, с. 450.

как отражение весенних наводнений, угрожавших рыболовному типу хозяйствования. Ученый, как это ни странно, в своей статье практически не акцентирует внимание на очевидной типологической общности русалок и шуликунов: сезонный характер тех и других; появление их из воды в определенные периоды года, связанные с древними языческими праздниками; их склонность показываться людям не в одиночку, а целым коллективом; несемейный характер жизни русалок и шуликунов (ср. леший, водяной, домовый и т. д.); отсутствие в образах данных персонажей представлений о «хозяине» определенных стихий и локусов; связь тех и других с культом «заложных» покойников (русалками и шуликунами становятся умершие некрещенные дети) и т. д. Д. К. Зеленин рассматривает шуликунов вне всяких аналогий с русалками, упустив, на наш взгляд, один из перспективных путей в объяснении этого мифологического образа. Тем не менее, при всей спорности отдельных позиций Д. К. Зеленина, эта работа до сих пор сохраняет свой научный потенциал. Недаром мимо нее не проходит ни один исследователь, занимающийся образом шуликуна. Обзор современных работ, посвященных этому мифологическому персонажу, читатель может найти в наших комментариях.

Шестая из публикуемых нами статей — «Магическая функция примитивных орудий» (1931) — входит в цикл работ ученого, связанных с проблемой магической функции слов, фольклорных произведений и орудий труда. В этой работе ярко проявляется стремление ученого с материалистических позиций объяснить черты мифологического сознания. Исследователь считает, что с возникновением анимистических представлений естественная оборонительная функция орудий труда дополняется магической функцией, долженствующей охранить человека от духов природы. Восточнославянский материал в этой работе Д. К. Зеленина, в отличие от названных выше, уже перестает быть ведущим: он растворяется среди сведений по культуре гиляков, сойотов, австралийских арунта и пр.

С первобытной культурой связана и другая тема, к которой обратился ученый в начале тридцатых годов, — тотемизм. Отправной точкой в рассуждениях Д. К. Зеленина первоначально стал славянский материал. В 1933 г. исследователь публикует статью «Тотемический культ деревьев у русских и у белорусов», которая также переиздается в настоящем сборнике. Д. К. Зеленин полностью соглашается с идеей Ф. Джемсона, что тотемизм есть союз между тем или иным племенем и определенным видом животных или растений. Березу ученый считает одним из тотемов предков восточных славян. Тема деревьев как тотемов нашла продолжение и углубление в более поздней работе исследо-

вателя — «Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов» (1937), материалом для которой послужил уже не только славянский материал, но и общеевропейский.

И, наконец, третья проблема, которая естественным образом связана с изучением первобытной культуры, касается вопросов табуирования. Тема табу на слово и действие в культуре первобытных народов и пережитков табу у цивилизованных этносов была заявлена исследователем в его статье 1929 г. о русском «закудыкать» — запрете спрашивать охотника, отправляющегося на промысел, куда он идет¹⁴. Затем последовал большой фундаментальный труд «Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии» (1929–1930), имеющий концептуальный, обобщающий характер. Согласно гипотезе Фрэзера, запрет накладывался прежде всего на произнесение имен царей, жрецов, рожениц и т. д. — лиц, от которых зависело благополучие всего племени и которые находились в особо опасном положении. Произнесение их имен могло призвать злых духов, приносящих вред племени. В дальнейшем табу распространилось на обычные слова, что было вызвано также страхом перед духами. Желание обмануть духов, стать для них незаметными — вот что стоит за табуированием слов. Д. К. Зеленин, в отличие от Фрэзера, предлагает более сложную гипотезу, вписывая табу в материалистическую концепцию мира. Исследователь делит все запреты на производственные и непроизводственные. Первые связаны с охотой и возникли в мужской среде; вторые создавались женщинами в доме. Производственные табу возникли еще в доанимистический период. Охотники верили в то, что звери понимают человеческую речь, и поэтому при сборах на охоту старались не произносить имени животного, чтобы не отпугнуть его. Табу призвано было оградить охотника от мести за убитого зверя со стороны данной породы животных, а затем (с появлением идеи души у живых существ) — со стороны душ убитых зверей. С анимистической эпохой все свои табуированные действия охотники стали связывать уже не с животными, а с духами-хозяевами природы. Впоследствии, на более поздних этапах, стало считаться, что особый табуированный язык дает охотникам удачу в их промысле, позволяет человеку успешно лавировать между враждующими духами разных природных сфер. Столь же стройную систему Д. К. Зеленин выстраивает и для непроизводственных запретов. В основе табу, возникающих в условиях домашней жизни, лежит вера в магию слова. Произнесенное слово или имя способно вызвать данное существо или явление. Поэтому-то люди стремились не называть имен духов, болезней, чтобы не накликать их в свой дом. До-

¹⁴ Д. К. Зеленин. Русское «закудыкать»: Этюд из социальной психологии языка // *Slavia*, год. 8, 1929, № 3, с. 493–502.

машинные табу, как считает Д. К. Зеленин, возникли по ассоциации с охотничьими табу, но, естественно, позднее их.

Исследование «Имущественные запреты как пережитки первобытного коммунизма» (1934), заключающее настоящий сборник, продолжает тему табу, но в центре этой работы стоит уже не слово, а действие. Поведенческие правила здесь, как и в предшествующих трудах, объясняются ученым из социально-экономических условий жизни первобытного человека.

Большинство из названных выше работ были написаны Д. К. Зелениным в Ленинграде. Ленинградский период, без сомнения, был самым плодотворным в жизни ученого. Переезжает исследователь из Харькова в бывшую столицу России по приглашению географического факультета университета. Напомним, что географический факультет Ленинградского государственного университета родился из Географического института, основанного в начале 1916 г. под названием «Высшие Географические курсы при Докучаевском Почвенном комитете». Расположились курсы в Петрограде по адресу наб. Мойки, дом 122. В 1919 году при Географическом институте был создан этнографический факультет, а через шесть лет, в 1925 г., произошло слияние Института с Ленинградским государственным университетом, вследствие чего этнографический факультет стал этнографическим отделением географического факультета ЛГУ. Переговоры о переезде Д. К. Зеленина в Ленинград шли летом 1925 г., и инициатором их был, по-видимому, профессор Л. Я. Штернберг¹⁵. Д. К. Зеленин, вернувшийся в Ленинград в том же 1925 г., начал работать уже в рамках географического факультета университета. По сути дела этнографический факультет Географического института (этнографическое отделение ЛГУ) был первым в России высшим учебным заведением, где велась целенаправленная систематическая подготовка этнографов. Сам Д. К. Зеленин отлично осознавал новизну того вуза, в который его пригласили работать. В 1927 г. он писал: «Если прежде в наших университетах курсы этнографии изредка и читались, то лишь эпизодически и случайно. Теперь из любительской дилетантской науки этнография превратилась в университетскую дисциплину»¹⁶.

На этнографическом отделении были собраны представительные силы ученых, завоевавших себе научный авторитет еще в дореволюцион-

¹⁵ Н. И. Гаген-Торн. Д. К. Зеленин как педагог и ученый (ленинградский период) // Проблемы славянской этнографии (к 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Д. К. Зеленина). Л., 1979, с. 44–46.

¹⁶ Д. К. Зеленин. Этнография // Академия наук Союза советских социалистических республик за десять лет. 1917–1927. Л., 1927, с. 101.

ные времена. Здесь работали Л. Я. Штернберг, В. Г. Богораз, Е. Г. Кагаров. 25 сентября 1926 г., как следует из «Протокола заседания Предметной комиссии по Этнографии и Частной этнографии Этнографического отделения Географического факультета ЛГУ», бывший профессор Харьковского университета Д. К. Зеленин был утвержден в должности профессора по кафедре Восточнославянской этнографии¹⁷. Д. К. Зеленину поручили вести лекционные курсы «Введение в этнографию восточных славян», «Сравнительная этнография восточнославянских народов», а также семинары «Этнография русского народа», «Этнография украинского народа», «Этнография белорусского народа»¹⁸. Эти же курсы он, по-видимому, вел и в предшествующий учебный год — 1925/1926.

При этнографическом отделении активно работал научно-исследовательский кружок, объединявший профессоров и студентов. В 1926/1927 гг. здесь были, например, прочитаны доклады «О литературной обработке этнографических материалов» (В. Г. Богораз), «Могилевский округ Белоруссии в этнографическом отношении» (студент Дыщенко), «Наше время в мотивах и напевах» (студент Малов), «Печорский край» (студент Д. Травин), «Коростенщина» (студент К. Червяк, на наблюдения которого Д. К. Зеленин ссылается в своей статье о «спасовой бороде») и др.¹⁹. Факультет сумел организовать оперативную публикацию сборников с этнографическими очерками студентов: «Старый и новый быт» (1924), «Революция в деревне» (1924–1925. Ч. 1–2), «Обновленная деревня» (1925), «Еврейское местечко в революции» (1926), «Комсомол в деревне» (1926). Все эти издания вышли под редакцией В. Г. Богораза. И хотя они не вполне удовлетворяли Д. К. Зеленина, справедливо указывавшего, что очерковый жанр снижает научную ценность материалов, тем не менее существование названных сборников, без сомнения, свидетельствует о творческой атмосфере, царившей в те времена на этнографическом отделении Ленинградского университета.

Сам Д. К. Зеленин предлагал своим студентам следующие темы для дипломных работ: «Эволюция и техника земледелия на Кубани» (А. С. Бежкович), «Земледельческая техника восточных славян» (В. М. Соловьева), «Приспособления для сушки хлеба в снопах у восточных славян и их соседей» (А. Г. Данилин), «Ткачество у восточных славян» (А. А. Ходосова)

¹⁷ См.: Центральный государственный архив г. Петербурга, ф. 7240 (ЛГУ), оп. 14, № 167, л. 13.

¹⁸ Там же, л. 14.

¹⁹ А. Данилин. Географический факультет Ленинградского университета // Человек, 1928, № 1, с. 89–91.